СФ
К-222

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

-34240

6661 1999

СФ
К 222
ВНЕСЕНА В КАТАЛОГ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ КФССР

9

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1112861 кр
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА Ю. М. СОКОЛОВА

Областная библиотека НКП-РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
Петрозаводск
1941

Государственная публичная библиотека КАССР

Обложка, титул и заставки работы художника
М. И. Разулевич

Отв. редактор *Х. И. Лехмус*

Подписано к печ. 22/V 1941 г. 6,75 печ. л. 3,29 уч. авт. л. Госиздат К-Ф ССР № 109. Тираж 10 000. Зак. № 1104. Е-3785

Типография № 1 им. Володарского Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, Фонтанка, 57

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник представляет собой попытку дать художественный перевод на русский язык двенадцати песен карело-финского героического эпоса, известного ранее русскому читателю по «Калевале». Для сборника переведены подлинно народные песни, записанные в Карело-Финской ССР за последние годы.

Мы взяли несколько песен карело-финского эпоса такими, какие они есть в жизни, и расположили их, примерно, в следующем плане: рождение героев, их подвиги и смерть. Последовательность получилась хронологическая, что вполне допустимо.

Фольклорные экспедиции Карело-финского Научно-Исследовательского Института показали, что карелы и финны хорошо знают и поют эпические песни.

Сотрудниками института собрано около шестидесяти прекрасных песен о народном герое, кузнеце Илмойллине, записаны песни о Вейнемейне, о хитром Лемминкяйне и других героях.

В августе 1937 года экспедиция института обнаружила в Кимас-озере сказительницу Анашину А. И., которая спела шесть эпических песен, отличавшихся хорошей сохранностью, последовательностью текста. В этом же селе встретились еще несколько исполнителей. Известная сказительница, покойная М. М. Хотеева (умерла в 1938 году), также исполняла несколько песен. Замечательная сказительница М. А. Ремсу из района Калевалы, д. Вокнаволок, 72-летняя карелка, также знает и поет эпические песни. Ее песня о плачущей лодке и невесте, пришедшей к жениху в виде лосося, (вторая в сборнике), полна поэтической красоты.

Фольклорная экспедиция в Петровский район в феврале 1938 г. записала еще шесть эпических песен. Каждая поездка за карело-финским фольклором приносит все новые и новые записи песен, выявляет новых сказителей героического эпоса, показывает, что эпос бытует и живет в карело-финском народе.

Работа по собиранию вариантов эпоса только начата, надо будет как можно внимательнее исследовать все районы Карело-Финской ССР

и как можно полнее собрать драгоценный памятник древней поэзии, созданный гением карело-финского народа. Эта неотложная задача фольклорной секции Научно-Исследовательского Института Культуры и всей общественности Карело-Финской ССР.

Исполняются руны под игру на кантеле и без сопровождения инструмента. Существующий в Петрозаводске кантеле-ансамбль прекрасно исполняет напевы героических песен. В них чувствуется с необычайной силой суровый эпический дух Севера.

Несколько слов о переводе. Переводчик держался как можно ближе к каждой строке народного стиха, избегая литературности, стремясь передать размером подлинника прелесть древней поэзии. Насколько удалось ему это, пусть судят читатели.

Виктор Боков

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ЭЛЬФСКИЕ ФЛЕЙТЫ КУБРУО

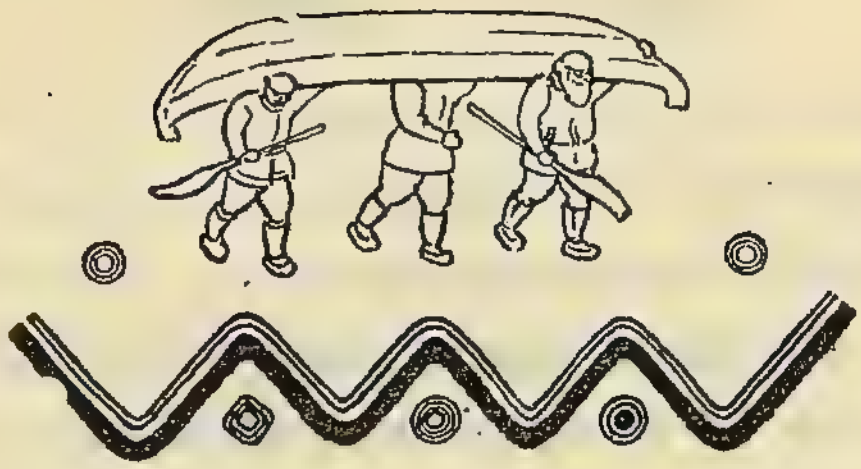
ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

ГОВОРЯТ была девица
Так красива и стыдлива;
Что не ела хлеба с поля,
Вспаханного жеребцами;
Молока не принимала
От коров, с быком гулявших...
— Там где нет попов, туда я,
В тот безлюдный край отправлюсь...
Мальчиков троих родила,
За попом ушла девица.
Сыновья заговорили:
— Назовем себя мы сами.
Мать пришла домой обратно.
Сыновья заговорили:
— Ой, ты, маменька, родная,

Что кормила молоком нас,
Мы себя назвали сами.
— Что вы, дряни, говорите,
Сами вы зачем назвались?!
Первый звался Вейнемейне,
Звать второго — Еугамойне,
Илмойллине — третий звался.
Снарядился Еугамойне,
В лес пошел он, лодку делать.
На одну поднялся гору,
На другую и на третью.
Там с осиной повстречался:
— Вижу, мастер ты неважный,
Лодки вытесать не сможешь!
Взял сучок сломал с досады,
Воротился Еугамойне.
Тут нашелся Илмойллине,
Он ушел ту лодку делать.
На одну поднялся гору,
На другую и на третью.
Там с осиной повстречался:
— Вижу мастер ты неважный,
Лодки вытесать не сможешь!
Положил топор на камень,
Воротился Илмойллине.

Был тут старый Вейнемейне:
— Сам пойду я лодку делать.
На одну на гору вышел,
На другую и на третью,
Там с осиной повстречался
И срубил осину эту.
Целый месяц лодку делал,
Ободки тесал неделю
И тогда домой вернулся.
Был тут юный Еугамойне,
Вышел с кантеле навстречу.
Молвил старый Вейнемейне:
— Из чего колки сработал?
— Из зубов громадной щуки.
— А откуда струны взял ты?
— Из хвоста лошадки нежной,
Жеребца лихого волос!
Сели все три брата в лодку.
Вздумал юный Еугамойне
Позабавиться игрою.
Струны кантеле тревожил,
Только кантеле молчало.
Был его родимый братец,
Тот ли старый Вейнемейне,
Еугамойне говорил он:

— Кантеле сюда подай-ка,
Положи мне на колени,
Под мои под десять пальцев!
Начал старый Вейнемейне
Струны пальцами тревожить, —
Сразу кантеле проснулось.
Улеглись морские волны
От игры его чудесной,
Рыбы лучшие из моря
Выплывали наверх слушать,
И от той игры чудесной
Девушки, бельe стирая,
Все на палицы присели.



ПЕСНЯ ВТОРАЯ

ЖИЛ-БЫЛ старый Вейнемейне,
Прорицатель и провидец,
И в роду работник лучший.
Лошадей пошел искать он.
День смотрел, другой искал он,
А на третий день услышал —
Парус плачет одиноко,
Горько жалуется лодка.
— Что так горько плачешь, парус,
И чего ты хочешь, лодка?
Может сделали неладно,
Большей прочности желаешь?
— Не пожалуюсь на это,
Большей прочности не надо,
А о том я плачу, парус,

Лодка прочная, горюю —
На войну другие ходят,
И добро-богатство возят,
Я ж гнию на щепках мокрых
С той поры, как мастер сделал.
Птицы скверные, слетаясь,
Черви гадкие сползаясь,
На моих боках гнездятся,
Заползают под обшивку,
На бока и мачту гадят.
Сделал старый Вейнемейне
Веник с медною верхушкой,
С той ли грудью оловянной;
Парус выполоскал чисто,
Лодку веником повымел.
Вот уселся на корму он
Прямо к медному правилу.
Стариков грести заставил —
Те гребли, тряслись с натуги;
Молодых грести заставил —
Так гребли, что весла гнулись,
Скамьи тетеревом пели,
Нос понырывал, как лебедь,
Падуном корма шумела.
День спускались, и другой день,

Но на третий неудача:
Лодка на море застряла,
Парус в волнах закачался.
Старый, мудрый Вейнемейне,
Сам посматривает, правит.
Вот вокруг он оглянулся,
И с боков с обоих смотрит —
«Не на камень ли с корягой,
Не на щучью ли хребтину,
Водяной собаки кости,
Наша лодочка застряла?
Не на камень и корягу,
На хребтину щучью эту,
Водяной собаки кости,
Наша лодочка застряла».
Взял тут старый Вейнемейне
Из кармана снасть рыбачью,
Доставал крючок из сумки,
Ножик вытащил из ножен —
В лодку лосося он поднял,
Поворачивает, смотрит,
Как бы лучше для обеда
На куски порезать рыбу,
Лососиной поделиться.
Но из рук скользнул тут лосось!

Рыба пестрая исчезла,
Показалась вновь из моря,
Поднялась на пятом гребне,
На шестом паденьи гребня,
Что на той волне девятой.
Поднялась, заговорила:
— Не пришла к тебе я нонче
Лососиной для обеда,
Чтобы ты меня порезал,
И куски породал братьям.
Я пришла к тебе сегодня
Вечной, верною супругой,
Класть под голову подушку,
Разувать тебя, любимый,
Постилать постель с любовью.
И исчезла рыба в море.
Воротился Вейнемейне,
К брату в кузницу явился.
— Ой, ты братец мой, кузнец наш,
Скуй мне грабли из железа,
Чтоб зубцы в ето сажен были,
Ручка чтобы в двести сажен,
Я грести отправлюсь сено.
День гребет, другой сгребает,
Третий день гребет усердно,

Вот нашел он камышинку,
Рыбью кость нашел и поднял:
— Что из этой, из находки
Мастер сделает хороший?
Выйдет кантеле быть может?
Вышло кантеле, и взял он
Инструмент знакомый в руки.
День играл, второй старался,
В третий день явились слушать
Все, кто землю заселяли.
И сама горы хозяйка,
Синие чулки надевши,
В петли красные обвившись,
Поднималась на березу,
На изгиб ольхи садилась,
Чтобы слушать песню эту.

1112961 кр
34250

Республиканская публичная библиотека Министерства культуры МАССР

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

О Й, мне парню-горемыке,
Ой, мне бедному — бедняге,
Как стал пьяницей я только,
Деревенскою пропойцей,
На сторонке чужедальней,
У дверей у незнакомых?!
Бабы мне в глаза смеются,
И работницы — за ними.
Кто б смеялся, да не бабы,
А работницы подавно!
Уходил далеко в горы,
В скалах каменных скрывался,
Чтобы стрелы злых насмешек
Не касались сердца больше.
Этот был лапландец в Турье,
Зло держал, неделю помнил,
И железным взглядом злобным

Поджидал он Вейнемейне.
Огненной стрелой запасся,
Тетивою огневою,
Перьев ласточки набрал он,
Насбирал и воробьиных.
Запрещали мать с женою,
Отговаривали девы,
Все три дочери творцовы.
Слов запретных не послушал,
На уме одно держал он:
Караулил Вейнемейнена:
Вечерами — у окошка,
По ночам смотрел с постели.
То был старый Вейнемейне,
Он постукивает, едет,
На спине сидит у лося,
По спине рукою гладит,
И похлопывает плечи:
— Хорошо б сейчас с девицей
Мне на этом лосе ехать,
В молодых ее объятьях!
Тот лапландец злой из Турьи
Усмотрел, узнал героя,
Взял заряженные стрелы,
И пускал по Вейнемейне,
В седока из лука метил!
Не попал по Вейнемейне,
А попал стрелою в лося,
И пронзил ему лопатки,

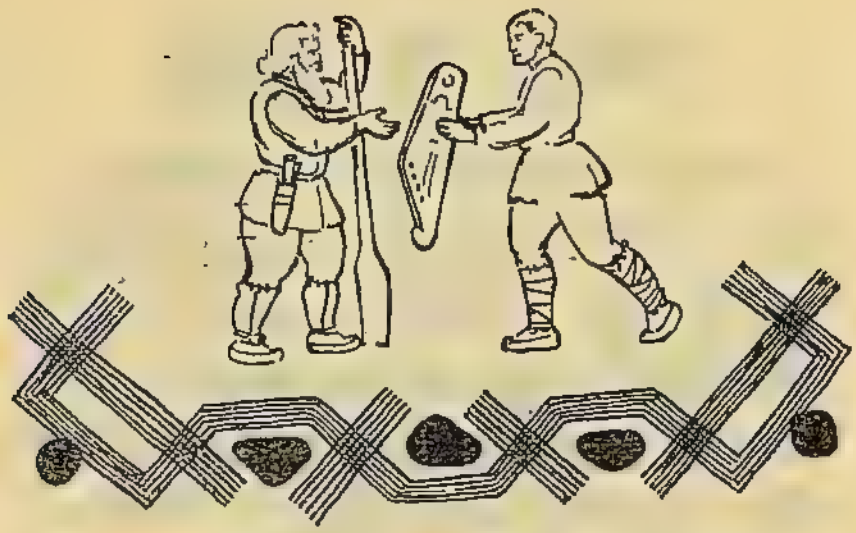
Тело теплое навылет.
С лося старый Вейнемейне
Полетел руками в воду,
На живот перевернулся.
Шесть годов в воде проплавал.
Шесть годов, седьмое лето,
И восьмой весь год проплавал:
То — еловыми корнями,
То — сосновыми бревнами.
Где боками зацеплялся —
Берега росли в том месте;
Где коленями касался —
Появлялось дно в том месте;
Где ногтями задевал он —
Скалы тут же подымались;
Где цеплялся бородою —
Островочки вырастали.
Вот он в море отмель создал,
Рядом остров появился,
На мели явилась лодка,
Дно досчатое засело.
Встал на берег Вейнемейне,
Ветер берегом гуляет,
Бьются волны в побережье.
Загрустил, заплакал, старый,
Между скал сидит, горюет
Он на острове в ущельи.
Вот орлица появилась,
Закружилась над скалою,

Для гнезда местечко ищет.
Опускалась та орлица
К Вейнемейне на колено,
Три яичка положила.
Взял тут старый Вейнемейне
Да ударил их об камень,
О скалу швырнул с размаху,
И разбились яйца эти,
Скорлупа поразлетелась.
Верх яйца — стал небом верхним,
Низ яйца — землею нижней,
Что желтком в яйце считалось,
Стало солнышком на небе.
Вот уж Севера хозяйка
Спящие глаза открыла,
Подымалась утром ранним,
Тем ли утром ранним, ранним;
Подымалась, умывалась,
А умывшись, помолилась,
Подмела свою избушку,
Подмела в сенях старуха
Веником из медных прутьев,
С оловянною листвою.
— Сор куда же уберу я?
— Брошу в медную корзинку.
— А куда же отнесу я?
— В поле дальнее придется.
И пошла она по полю,
Возле сорной ямы встала,

Слышит, что мужчина плачет,
Что герой горюет где-то.
— Плач не девичий я слышу,
И не детская то песня,
Узнаю я плач героя.
Возвратилася в избушку,
Кушачек свой подвязала,
Синие чулки надела,
И на плач тот поспешила.
Побыла в пути немного,
Проходила недалеко.
— Это старый Вейнемейне
Горько плачет и рыдает,
Между скал сидит, горюет
Он на острове в ущелье.
— Что ты плачешь, Вейнемейне,
Человек спокойный, стонешь?
Подняла его, сказала:
— В кузницу иди скорее,
Сделай грабли из железа,
Чтоб зубцы сто сажен были,
Черенок в пять раз длиннее!
То был старый Вейнемейне,
К кузнецу пошел он в кузню,
Сделал грабли из железа:
Зубья были на сто сажен,
Черенок в пять раз длиннее.
Стал сгребать он кости рыбьи,
Что водой прибиты были.

Рыбья кость одна попалась,
И была она, как видно,
Щучьим черепом огромным,
Когти в нем орел оставил.
— Из чего же струны сделать?
— Из волос оленя Хийси,
Из хвоста коня, быть может?
Во дворе у бабы Хийси
Вдруг залаяла собака,
Мордой пялится на небо,
Поджимает хвост все ниже.
Собирались молодые,
Старики не отставали,
Люди средних лет спешили,
Неженатые мужчины,
Жены вдовые являлись.
То веселья не бывало,
Не была игра игрою,
То веселье появилось,
А игра игрою стала.
Что в лесу живущих было
Из летающих двукрылых,
Изо всех четвероногих,
Все пришли игру послушать.
И в морском заливе рыбы
Звукам кантеле внимали.
Сам хозяин леса, леший
Подымался на березу,
На высокую ольшину,

Чтоб игру услышать лучше.
Что в воде живущих было —
И животные и рыбы,
Все приплыли песню слушать,
Наслаждаться той игрою
Кантеле из рыбьей кости.
И сама воды хозяйка,
Синие чулки надевши,
Красным шнуром подвязавши,
На каменьях растянулась
Наслаждаться той игрою.



ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

БУДУ петь про Вейнемейне,
Мореплавателя славить.
Лодку он тесал заклятьем,
Напевал челнок словами.
Не хватило трех словечек,
Чтобы сладить обо́дочки
И по швам соединить их.
Попросил он лодку громко,
Крикнул девушке на пристань.
Отвечала та девица:
— Вышлем лодку за тобою,
Но скажи, что за причина,
Привела тебя в страну к нам?
— Привела вода меня к вам.
— Привела вода когда бы,
То она текла б с одежды,
Платье мокрое свисало б,

То был старый Вейнемейне,
Громким голосом он крикнул:
— Лодку, Туони девица,
Подавай корабль скорее!
Снова с пристани девица
Так на это отвечала:
— Вышлем лодку за тобою,
Но, скажи, что за причина
Привела тебя в страну к вам?
— К вам притти огонь заставил.
— Коль тебя огонь привел бы,
И в огне была б одежда,
Платье пламенем пылало б.
То был старый Вейнемейне,
Громким голосом он крикнул:
— Лодку, Туони девица,
Подавай корабль скорее!
Снова с пристани девица
Так на это отвечала:
— Вышлем лодку за тобою,
Но скажи, что за причина
Привела тебя в страну к нам?
— Привела земля меня к вам.
— Привела земля когда бы,
Сыпалась земля бы с платья,
Перепачкалось белье-бы.
То был старый Вейнемейне,
Лодку брал, в корму садился,
К золотому управленью,

Уширался в медный руль он.
Стариков грести заставил.
Те гребли, тряслись с натуги,
Нос покрикивал, как лебедь,
А уключины, — как гуси,
Скамьи тетеревом пели.
Вот сменил гребцов он старых,
Молодых грести заставил.
Те на весла раз нажали,
И в глазах у всех стемнело!
Во второй уж так гребнули —
Уши всем позаложило!
В третий раз они гребнули —
Встала лодка Вейнемейне,
Та священная засела;
Не на камень и корягу,
На ключицы щуки села,
Водяной собаки плечи,
На крестец олений встала.
То был старый Вейнемейне,
Молвил он слова такие:
— Молодежь, средь вас найдется
Тот окрепший и отважный,
Кто бы лодку сдвинуть взялся,
И челнок освободил бы?
Был тут юный Еугамойне,
Взялся он ту лодку сдвинуть,
Челноку добыть свободу.
Доставал он меч свой острый,

Что легко деревья рубит.
Рубанул с борта, с другого,
На три части меч распался.
То был старый Вейнемейне,
Взял он с боку меч свой острый,
Что свободно кости рубит;
Рубанул с борта, с другого,
Щука на трое распалась —
Середина закачалась,
Хвост покачивался в волнах,
В лодку голову подняли.
То был старый Вейнемейне.
Молвил он слова такие:
— А куда-ж ее мы денем?
Кузнецу снесем-ка в кузню,
В безоконную отправим!
— Ой, кузнец наш, Илмойллине,
Сделай так, чтоб кость играла!
День ковал кузнец, другой день,
И уже на третий только
Заиграл, настроил струны,
Смотрит, слушает, поет он.
То был старый Вейнемейне,
Молвил он слова такие:
— Молодежь, средь вас найдется
Тот окрепший и отважный,
Кто б игрою отличился,
Всех людей повеселил-бы?
— Есть тут юный Еугамойне,

Музыкантом он назвался,
Веселить людей желает.
Взял он кантеле под пальцы,
Поперек коленей ставил,
Подвигал к себе поближе,
Но игра была плохая.
То был старый Вейнемейне,
Взял он кантеле под пальцы,
Поперек коленей ставил,
Придвигал к себе поближе,
Заиграл он так красиво,
Можно было слушать вечно!
Что в лесу живущих было
Изо всех четвероногих,
Что в лесу живущих было
Из летающих — двукрылых —
Все пришли игру послушать.
Что в воде живущих было
Изо всех двуплавниковых,
Все пришли игру послушать.
И сама воды хозяйка
Ту игру пришла послушать,
С камышом своим расставшись,
С тростником своим красивым.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

ДОЧЬ единственная Айно,
Полоскать пошла девица,
Мыть белье на мыс туманный,
К длинной пристани на берег.

На восток она взглянула,
И на запад посмотрела,
На чернеющее море,
На синеющие волны,

Посмотрела, обернулась —
Лодка на море краснеет,
Парус брата Вейнемейне!
Дочь единственная Айно,

Так промолвила девица:
— Путь далек ли, Вейнемейне,
Ты куда, жених, собрался?
— Еду я за лебедями,

Промышлять святую птицу,
Любоваться длинной шеей.
Айно молвила, играя
Ожерельем оловянным:
— Раньше, помнится, отец мой,
До тебя еще, родитель
Уходил за лебедями,
Любоваться длинной шеей —
Лук хороший был подмышкой,
Тетива была что надо,
И ученая собака.
— Я за лососем поехал,
Тайменей ловить надумал,
В водах Туонелы быстрых,
Там, у Маналы в низовьях.
Айно все ж переспросила:
— Раньше, помнится, отец мой,
До тебя еще, родитель
Всё за лососями ездил,
Тайменей ловил частенько
В водах Туонелы быстрых,
Там, у Маналы в низовьях:
Лодку всю займет сетями, —
Судно все под неводами,
Острога всегда готова.
И опять спросила Айно
С ожерельем оловянным:
— Путь далек ли Вейнемейне,
Ты куда, жених, собрался?

— Север сумрачный я выбрал,
В Таниолу путь направил,
В ту деревню людоедов,
Где героев наших топят.
Дочь единственная Айно,
Собрала подол девица,
Платье крепко подвязала;
Лес глухой — прошла волчихой,
Червяком — проходит рощи,
Белкой — лес прошла сосновый.
— Ой, ты братец мой, кузнец наш,
Милую твою уводят,
Ту, что сватали два года,
По сто плачивали марок,
Дали тысячу за выкуп.
— О, сестрица дорогая,
Истопи украдкой баню,
Да согрей скорее избу,
Не дрова положишь в топку,
А опилки со щепою.
Айно выбежала быстро,
Баню тайно истопила,
И согрела избу скоро, —
Не дрова кидала в топку,
А опилки со щепою.
Припасла воды сестрица,
Медным ковшиком таскала,
Двумя пальцами держала,
Помогала третьим пальцем.

Второпях вбежала в избу:
— Ой, ты братец мой, кузнец наш,
Заходи, попарься вдоволь,
Добела отмой водою
От осенней грязи тело
И от зимнего кованья!
Побежал кователь в баню,
И попарился там вдоволь --
Добела отмыл водою
От осенней грязи тело
И от зимнего кованья.
Полотняною рубашкой
Тело чистое покрыл он,
А поверх рубашки этой,
Надевал кафтан суконный.
Полотняную рубашку
Кушаком стянул расшитым,
И кафтан он подпоясал.
Вот жених готов к невесте,
Жеребенка запрягает.
Сел и тронулся на Север,
В ту страну приехал скоро.
Молвит Севера хозяйка:
— Почему собака лает,
Наш замок дворовый рвется,
Ниже поля низового
Хвост к земле свой поджимает?
Посмотри иди, работник,
Знать не зря собака лает,

И щенок не зря встревожен!
А работник так ответил:
— Не могу пойти, я занят,
Дров поленница большая, —
Плохо колются чего-то,
А во мне силенки мало.
Молвит Севера хозяйка:
— Посмотри, служанка, выйди,
Знать не зря собака лает,
И щенок не зря встревожен!
— Вот уж некогда служанке,
Успевай лишь жернов двигать,
Он тяжел, мелка мучица,
А служанка слабосильна.
— Посмотри-ка, Анни, выйди,
Не напрасно лает Халли,
И щенок не зря встревожен.
Вышла Анни, посмотрела,
Люди свадебные едут,
И по берегу, и морем,
За извилистым заливом.
Вайнемейне судном правит,
А кузнец торопит лошадь!
Молвит Севера хозяйка:
— За кого ты хочешь, Анни?
За того, кто судном правит,
Или тот милей, кто скачет?
Говорит на это Анни:
— Тот не люб, кто судном правит,

Чье судно полно мережей;
У того видна ухватка,
На коне, кто скачет сватать.
Молвит старый Вейнемейне:
— Неужель не отдадите,
Анни, птичку дорогую?
Молвит Севера хозяйка:
— Не отдам тебе я Анни,
Не отдам любимой птички,
Если щуки не добудешь,
В водах Туонелы быстрых,
Мне ты выкуп не доставишь.
Тут уж старый Вейнемейне
В бег на улицу пустился,
Взмыл, как жаворонок в небо,
Кверху зябликом поднялся.
Машет крыльями со свистом,
Вот скользит и вот несется,
К водам Туонелы быстрым,
К низким Маналы долинам.
На сучок сосны садится,
Поворачиваясь, смотрит.
Вот в реке плеснулся лосось,
Рыба пестрая блеснула.
И схватил ее в реке он,
Рыбу пеструю приподнял,
На сучок сосны уселся,
Откусил грудинки рыбьей,
И попробовал, вкусна ли.

Взмыл, как жаворонок в небо,
Кверху зябликом поднялся,
Машет крыльями со свистом,
Вот скользит и вот несется,
В ту страну, где мрачный Север,
В Таниолу поспешает.
Вниз он жаворонком падал,
Забегал к невесте в избу,
Выкупную щуку держит,
Отдает тот выкуп теще.
Молвит Севера хозяйка:
— Нехорошее ты сделал,
Что поел всю грудь у рыбы,
Узнавал вкусна ли щука.
Молвил старый Вейнемейне:
— Без греха не взять добычи,
Пусть в местах добыта лучших,
В водах Туонелы быстрых,
В низких Маналы долинах.
— Неужель не отдадите
Анни, птичку дорогую?
Молвит Севера хозяйка:
— Не отдам тебе я Анни,
Не отдам любимой птички,
Прежде чем не расстреляешь,
Не убьешь всех звезд на небе,
С облаков не снимешь пятен.
Тут уж старый Вейнемейне
В бег на улицу пустился,

Расстрелял на небе звезды,
С облаков все пятна снял он.
Прибежал, вернулся в избу,
Говорил слова такие:
— Неужель не отдадите
Анни, птичку дорогую?
— Не отдам тебе я Анни,
Не отдам любимой птички,
Прежде чем не вспашешь поля,
В поле змей не похоронишь,
В бороздах червей не спрячешь,
Не сравняешь ям руками.
Этот старый Вейнемейне
Выбегал на волю быстро,
Говорил слова такие:
— Ой, ты Укко, бог всевышний,
Неба старец престарелый,
Снег земле пошли глубокий,
Высотой копья не меньше,
Жеребцу до самой чолки,
До спины святого Лаукки,
Жеребца того ли выше!
Запрягал святого Валкки
Во шелковые уздечки,
В те ли медные запряжки,
Со железными гужами.
Сам же старый Вейнемейне
Взял из камня рукавицы,
Бархатные брал перчатки,

И вспахал он поле это,
Поднял змей и схоронил их,
В бороздах червей упрятал,
Заровнял руками ямы.
И ему отдали Анну,
Птичку с ним соединили.
А кузнец с большой обидой
В путь отправился обратный.
На коне подъехал к дому,
Говорил слова такие:
— Увезли уж дорогую,
Ту, что сватали два года,
По сто плачивали марок,
Дали тысячу за выкуп!
Взял он золота немного,
Серебра прибавил шапку,
Положил его в горнило.
У мехов рабов поставил,
Поддувать людей наемных.
Но рабы качали плохо
И наемные неважно.
Сам берет он поддувало,
Раз качнул, мехами дунул,
Два качнул, мехами дунул,
Сильно дунул в третий раз он —
Показался меч из горна,
Золотой клинок из пламя.
Был хорош тот меч по виду,
Но имел плохой обычай —

Каждый раз одним ударом
Убивал по человеку,
А другим — двоих сражал он.
Бросил меч обратно в пламя,
Золота чуть чуть прибавил,
Серебра добавил шапку,
У мехов рабов поставил,
Поддувать людей наемных.
Но рабы качали плохо,
И наемные неважно.
Сам берет он поддувало,
Раз качнул, мехами дунул,
Два качнул, мехами дунул,
Сильно дунул в третий раз он —
Жеребец из горна вышел,
Златогривый конь из пламя.
Жеребец хорош был с виду,
Но имел горячий норов —
Каждый день кобылу на́ смерть
Убивал, а то и по две,
Бросил в пламя жеребца он.
Золота еще прибавил,
Серебра прибавил шапку,
У мехов рабов поставил,
Поддувать людей наемных.
Но рабы качали плохо,
И наемные неважно.
Сам берет он поддувало,
Раз качнул, мехами дунул,

Два качнул, мехами дунул,
Сильно дунул в третий раз он —
Вышла девушка из горна,
С золотой косой из пламя.
Хороша была девица,
Только нравом неизвестна.
Вот ложатся первой ночью,
Теплой кутаются шубой,
Покрываясь одеялом.
Тот согрелся бок, который
Одеялом был закутан.
Но от холоду замерзнул,
Замерзал морскою льдиной,
Затвердел, как будто камень,
Бок, что девушки касался.
Бросил девушку он в пламя,
Говорил слова такие:
— Не пытайтесь, не стремитесь,
Все живущие народы,
Деву сделать золотую,
Иль серебряную сделать —
Золото вас не согреет,
Серебро оледенит вас!

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

ИРО, честная девица
Гребешком чесала косы.
Вот три волоса упали:
— «Ну, куда теперь их дену?
Сжечь в огне — греха набраться,
В воду бросить — грех опять же,
За язык свой положу их».
Стал живот расти у девы,
Застыдилася девица:
— Ой, ты, маменька родная,
Что меня кормила грудью,
Что вспоила и взрастила,
Отпусти, отправь скорее
Дочь свою в страну чужую,
Да в такую, где попов нет.
И пошла в страну чужую,
Да в такую, где попов нет.

Сыновей троих родила.
Тот, что вечером родился,
Самый старший по рожденью,
Назывался Вейнемейне,
Самый младший по рожденью
Назывался Еугамойне,
Тот, кого родила в полночь, —
Илмойллине — кузнецом был.
Воспитала мать сыночков,
Совершенных лет дождалась.
— Ой, ты маменька, родная,
Что меня вскормила грудью,
Женихом отправь сыночка,
К дочке Хийси, царской дочке,
К той прекрасной Катерине!
Сшей рубашку мне льняную,
Сшей порточки мне льняные,
Истопи пожарче баню,
Чище льна головку вымой,
Шею — чище, чем яичко,
И лицо умой беленько!
Истопила баню жарко,
Чище льна головку мыла,
Шею — чище, чем яичко,
Лик беленько умывала.
— Ой, ты старый, Вейнемейне,
Жеребца впряги борзого,
Да чтоб в сани расписные,
Из гужей пусть жир стекает,

Каплет олово с супони,
Масло с упряжи сочится!
Полегонечку поехал
Так, что конь копыт не мочит,
И полозья не сыреют,
Щиколоток не марает.
Оглянулся, — за спиною
Едет Коаве-Похьелайне,
Ртом кривится безобразно,
И глаза сверкают злобно —
Кузнецу сломал оглоблю.
Спел кузнец на море остров,
Сделал новую оглоблю.
Полегонечку поехал,
Так, что конь копыт не мочит,
И полозья не сыреют,
Щиколоток не марает.
Снова Коаве-Похьелайне
Ртом кривится безобразно,
И глаза сверкают злобно —
Поперек дуга сломалась.
Спел кузнец на море остров,
И согнул дугу получше,
Полегонечку поехал,
Так, что конь копыт не мочит,
И полозья не сыреют,
Щиколоток не марает.
Снова Коаве-Похьелайне
Ртом кривит, глазами мечет, —

Лопнул полоз у саночек.
Спел кузнец на море остров,
И другой поставил полоз,
Полегонечку поехал
Вместе с Коаве-Похьелайне
К дочке Хийси, царской дочке,
К той прекрасной Катерине,
Что томится ожиданьем.
Хийси-царь промолвил дочке:
— О, прекрасная царевна,
Тот, который приглянется,
Дай тому из чашки пива;
Не понравится который,
Поднеси тому в наперстке!
Подносила Катерина
Чашку пива Илмойллине,
Ну, а Коаве-Похьелайне,
Из наперстка подносила.
— Хийси старый и старушка,
Неужель не отдадите
Дочь единственную вашу
Ту красотку — Катерину,
Что томится ожиданьем?
— Отдадим тебе, отправим
Дочь единственную нашу,
Сослужи три службы прежде:
Кюбриз — горку нам запашешь?
Змей по бороздам схоронишь?
Чтоб без пояса на теле,

Да пахать на босу ногу?
— Запашу я Кюбриз-горку,
Змей по бороздам засыплю.
И отправился пахать он.
На крыльцо невеста следом:
— Ой, послушай, Илмойллине,
Не ходи, останься лучше,
Из людей туда ушедших,
Мало кто в живых вернулся!
Отвечает Илмойллине:
— Унимать меня не нужно,
Я свое пытаю счастье.
И отправился пахать он.
Борозду провел, вторую,
И едва лишь третью начал,
В ногу был змеей ужален.
На соху кузнец уселся,
Боль в ноге заговорил он,
Пашет дальше Кюбриз-горку,
Змей по бороздам хоронит,
К бабе Хийси в дом приходит.
— Хийси старый и старушка,
Неужель не отдадите
Дочь единственную вашу,
Ту красотку Катерину,
Что томится ожиданьем?
— Отдадим тебе, отправим,
Дочь единственную нашу, —
Баню огненную примешь?

В баню париться идет он,
На крыльцо невеста следом:
— Ой, послушай, Илмойллине!
Не ходи, останься лучше,
Из людей, туда ушедших,
Редко кто опять вернулся!
Не послушался, пошел он,
Лишний жар из бани выдул,
И, помывшись, в дом вернулся.
— Хийси старый и старушка,
Неужель не отдадите
Дочь единственную вашу,
Ту красотку Катерину?
— По мосткам пройдешь по этим?
Отдадим тогда, отправим
Дочь единственную нашу.
На крыльцо невеста следом:
— Ой, послушай, Илмойллине,
Не ходи, останься лучше,
Из людей, туда ушедших,
Редко кто назад вернулся!
— О, красотка — Катерина,
Унимать меня не нужно,
Я свое пытаю счастье!
И отправился к мосточкам.
На мосточках поскользнулся,
И попал он в воду к щуке,
Кузнеца сглотнула щука.
А кузнец в утробе щучьей

Из рубашки сделал кузню,
Из порток — меха кузнечьи,
Кулачки — на молоточки,
Из колена — наковальню,
Пилку выковал в утробе.
Щука так заговорила:
— Пожалей меня, кователь,
Не пили пилою ребер,
Изо рта обратно выйди!
Илмойллине отвечает:
— Где хочу я, там и выйду.
Да и выпилил у щуки
Три ребра в ее утробе,
Жив-здоров опять пришел он.
— Хийси старый и старушка,
Неужель не отдадите
Дочь единственную вашу?
— Отдадим, с тобой отправим
Дочь единственную нашу,
Ту красотку — Катерину.
Отдавали Илмойллине
Ту красотку Катерину.
Вот отправились легонько,
Так, что конь копыт не мочит,
И полозья не сыреют,
Щиколоток не марает.
Песней Коаве-Похьелайне
Обратил невесту в рыбу,
Жениха заснуть заставил.

Просыпался Илмойллине,
Сосчитал все звезды в небе,
Среди звезд невесты нету;
Сосчитал всю рыбу в море,
Рыба лишняя нашлася.
Взял тогда он эту рыбу
И со дна морского поднял,
Обратил в невесту снова.
И поехал с ней тихонько.
Снова Коаве-Похьелайне
Ртом кривит, глазами мечет,
Усыпляет кузнеца он,
Обращает Катерину
Светлой звездочкой на небо.
Встал кузнец, невесты нету!
Рыб на дне морском считает,
Не находит Катерины;
Вот песок на дне считает,
Нет ее среди песчинок;
Звезды на небе считает,
Среди звезд ее находит.
И берет звезду он с неба,
В Катерину обращает.
Отправляются тихонько,
Так, что конь копыт не мочит,
И полозья не сыреют,
Щиколоток не марает.
Снова Коаве-Похьелайне,
Ртом кривит, глазами мечет,

Обращает Катерину
Он в песчинку дна морского,
Усыпляет кузнеца он.
Ото сна кузнец очнулся —
Нет прекрасной Катерины!
Звезды на небе считает,
Нет ее у звезд на небе;
Рыб на дне морском считает,
Среди рыб ее не видит;
Вот песок считать принялся,
И нашел среди песчинок.
Рассердился Илмойллине,
Обратил невесту в чайку,
Проклинал ее вдогонку:
— Без котла свари-ка рыбы,
Похлебай ухи без ложки,
Берегами поскитайся,
Пугалом побудь на мелях.
Да кричи на каждом камне,
Поплавки тряси все кряду,
Мужики чтоб все ругались!

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,
Сон баюкала свой сладкий,
И за пологом уютным
В мягкой нежилась перине,
Под камчатной простынею.
Ото сна она очнулась,
Глядь, певцы сидят на лавке.
Глаз на запад устремила,
А другим на юг взглянула:
Парус видится ей в море,
Судно движется по волнам.
Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,
Запаслась двумя крылами,
Распустила крылья-перья,
Поднялась с земли и вот уж

Колыхается в полете.
Вохьелайне-Войборайне
Попадается навстречу.
Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,
Говорит ему при встрече:
— Ты куда с сынками едешь,
Со двоими молодцами,
Да с косым в средине лодки,
И вино у Виллербой,
Для чего так много лаек?
Войборайне отвечает:
— В лес охотиться я еду.
Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,
Стала встречному перечить:
— Отвечаешь ты неверно,
В лес не так ходил отец наш!
— Я сига ловить надумал.
— Говоришь опять неверно,
Мой отец ловил иначе.
— Я затем надумал ехать —
Дочь у Хийто-Химми сватать.
Краснощекую девицу,
Ту ли Паглан Хермандойне,
Только смотрят по два года,
По три года ездят сватать.
Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,

Поднялась, заколыхалась,
Полетела плавно, плавно,
К двери кузницы спустилась,
Говорила так при этом:
— Эй, кователь, Илмойллине,
Чародей земли всесветный,
Принесла тебе я вести.
— Если добрые мне скажешь,
Грудь крестом твою украшу.
За недобрые за вести
Закую в колодку шею.
Невеличка Луулеллийне,
То воздушное созданье,
Вести добрые сказала:
— За невестою поехал
Вохьелайне — Войборайне,
За девицей краснощекой,
Той ли Паглан Хермандойне;
Ту ли дочку Хийто-Химми
Только смотрят по два года,
По три года ездят сватать.
И кузнец на волю вышел,
Прутом об землю ударил:
— Как возьмешь такую замуж,
Чем к себе такие манят?
И домой к себе пришел он,
Маменьку свою встречает,
Ту кормилицу родную.
— Ой, родная, что носила,

Молоком меня вскормила,
Дай мне теплую рубашку,
Полотняные порточки,
Запряги лошадку в сани,—
Не простые, расписные!
Шесть кукушек золотистых
На дуге его кукуют,
Семь веселых сизых птичек
На гужах сидят, щебечут!
Потихонечку он едет
По любимому заливу,
Так что конь копыт не мочит,
И поджилок не марает.
На пути осина встала,
Поперек сломала полоз.
Чародей земли, всесветный,
Сел кузнец тогда на камни
Неизведанного края,
В пень ногой своей уперся,
В недвижимые коренья,
И напел он песней остров.
Лес на острове повырос,
Гибкий, годный на полозья.
И согнул другой он полоз,
И запряг лошадку в сани,—
Не простые, расписные.
Шесть кукушек золотистых
На дуге его кукуют,
Семь веселых сизых птичек

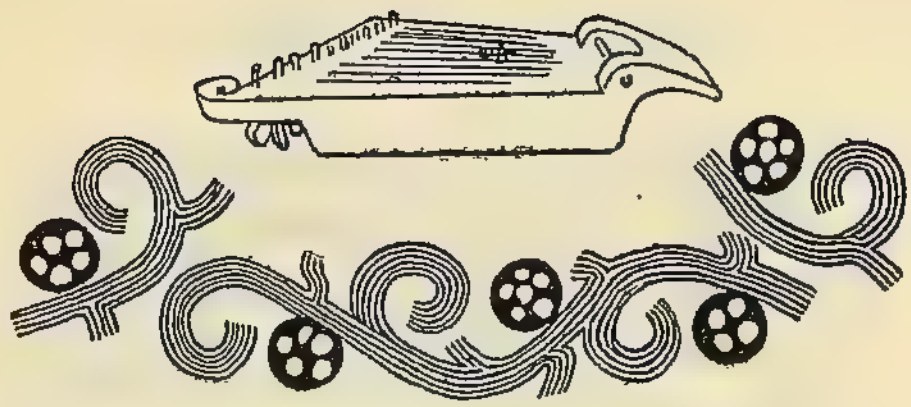
На гужах сидят, щебечут!
Потихонечку он едет
По любимому заливу,
Так что конь копыт не мочит,
И поджилок не марает.
На пути осина встала,
И дугу сломала песней.
Горемыка-неудачник,
Чародей земли, всесветный,
Сел кузнец тогда на камни
Неизведанного края,
В пень ногой своей уперся,
В недвижимые коренья,
И напел он песней остров.
Гибкий лес на нем повырос,
И согнул дугу кователь.
И запряг лошадку в сани, —
Не простые, расписные.
Шесть кукушек золотистых
На дуге опять уселись,
Семь веселых сизых птичек,
На гужи опять вспорхнули,
И поехал — зазвенел он!
Стала вдруг собака лаять.
— А не врет нам наша Валги,
Едут улицей три свата:
Вохьелайне — Войборайне,
Рядом Коаве — Похьелайне,
Илмойллине — третий с ними.

Входит в избу Войборайне:
— Ой, ты ягодка-листочек,
На тебя два года смотрят,
По три года ездят сватать,
Принеси мне браги с пивом!
Принесла такого пива,
Что вода с помоев лучше.
Входит Коаве-Похьелайне
В избу свататься к невесте:
— Ой, ты ягодка-листочек,
На тебя два года смотрят,
По три года ездят сватать,
Принеси мне браги с пивом!
Принесла такого пива,
Что вода с помоев лучше.
Оставался Илмойллине,
Заходил кузнец к невесте:
— Ой, ты ягодка — листочек,
На тебя два года смотрят,
По три года ездят сватать,
Принеси мне браги с пивом!
Принесла девица пива,
Вкусом меду не уступит.
— Ой, ты ягодка — листочек,
За меня ужель не выйдешь?
— Горя должен много видеть
Тот, кто мной владеть захочет.
Вот, кузнец, тебе задача,
Во дворе напеть озерко

С рыбой самою различной:
Чтобы лососи резвились,
В берега мальки плескались,
Что б язи в нем трепетали,
Лещ икру метал повсюду.
Горемыка-неудачник,
Чародей земли, всесветный,
Сел кузнец тогда на камень,
На неведомое место,
И ногою в пень уперся,
В недвижимые коренья,
Во дворе напел озерко
С рыбой самою различной.
Стали лососи резвиться,
В берега мальки плескаться,
Вот язи затрепетали,
Лещ икру повсюду мечет.
— За меня теперь пойдешь ли
Та, что смотрят по два года,
По три года ездят сватать?
— Горя должен много видеть,
Прежде чем меня добиться.
Золотой прогон поставь-ка,
С теми кольями стальными,
Со змеиной вязкой прясел,
Головами в ряд единый!
Горемыка-неудачник,
Чародей земли, всесветный,
Золотой прогон поставил,

С теми кольями стальными,
Со змеиной вязкой прясел,
Головами в ряд единый.
— За меня теперь пойдешь ли
Та, что смотрят по два года,
По три года ездят сватать?
— Горя должен много видеть,
Кто владеть захочет мною.
Коль запашешь камни в поле,
Паленый ты лес запашешь,
С необутыми ногами,
Вот тогда, кузнец, посмотрим!
Горемыка-неудачник
Чародей земли, всесветный,
Стал пахать, в босую ногу
Кузнеца гадюка жалит.
Тот укус заговорил он,
И опять пахать принялся,
Но ужалила второй раз
Кузнеца медянка в ногу.
Тот второй укус проклятый
Заговаривать не мог он.
— Ой, ты старый, Вейнемейне,
Поскорей приди на помощь!
И явился Вейнемейне
И укус заговорил он.
А кузнец пахать принялся,
В каменистом поле кончил,
И паленое спахал он.

— Ой, ты ягодка-листочек,
За меня теперь пойдешь ли?
— За тебя теперь пойду я!
Взял невесту Илмойллине,
И с невестой спать улегся.
Младший братец Еугамойне
К веслам сел, грести принялся.
На корме был Вейнемейне,
Неожиданно он вскрикнул:
— Ой, бедняга-горемыка,
А жена-то улетела!
Закричал кузнец вдогонку:
— К лешему ступай в объятья;
Чайкой на берег на встречный!



ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

МАТЬ, подай-ка сыну щелок,
Вымыть голову почище,
И глаза свои промыть мне.
— Ты куда идешь, сынок мой?
— К Хийси, мама, дочку сватать.
Не ходи, сынок мой, к Хийси!
Мною выкормленный, слушай,
Мною выношенный, слушай —
Во дворе у них сто кольев,
Голова сидит на каждом,
Но один еще свободный,
Для тебя он приготовлен.
— Мать, напрасно запрещаешь,
Все же свататься пойду я.
И пошел, куда задумал,
Под окном у Хийси встал он.
Как залаяли собаки,

Баба бросилась к окошку.
Говорит он ей: — Готова ль
Та, что я смотрел два года,
В третий свататься пришел к ней?
— Не готова — молвит баба —
Отправляйся-ка отсюда,
Тучу с запада яви мне,
Подыми еще с востока,
Град из них пусти железный,
А тогда попробуй сватать!
И поплелся Илмойллине
И пришел на берег моря,
Долго плакал, умоляя
Тучу с запада явиться,
А другую встать с востока.
Туча с запада явилась,
А другая — на востоке,
Разразился град железный,
Головы коня поменьше,
И побольше кузнецовой.
Под окном у Хийси встал он.
Как залаяли собаки,
Баба бросилась к окошку.
Говорит он ей: — Готова ль,
Та, что я смотрел два года,
В третий год явился сватать?
— Не готова, — молвит баба,
Отправляйся-ка отсюда.
Сделай огненную соху,

Рукавиц не надевая,
Да вспаши сохою этой,
Сапогов не обувая,
Поле, где шипят гадюки.
А тогда попробуй сватать
И пошел кузнец обратно,
Сделал огненную соху,
Рукавиц не надевая,
И вспахал сохою этой,
Сапогов не обувая,
Поле, где шипят гадюки.
Под окном у Хийси встал он.
Как залаяли собаки,
Баба бросилась к окошку
Говорит он ей: — Готова ль
Та, что я смотрел два года,
В третий год явился сватать?
— Не готова, — молвит баба —
Захотелось ей печонки
Из живой утробы щуки,
Коль достать ее ты сможешь,
Вот тогда попробуй сватать!
В путь пустился Илмойллине
Очутился вновь у моря,
В лодку сел и весла взял он,
Но едва грести принялся,
Как гребца сглотнула щука.
Вырезал тогда печонку
Он в ее живой утробе

И взмолился: — слушай, щука,
Отпусти меня на волю!
Кузнеца пустила щука.
Под окном у Хийси встал он.
Как залаяли собаки,
Баба бросилась к окошку.
Говорит он ей: — Готова ль
Та, что я смотрел два года,
В третий год явился сватать?
Рассердилась баба Хийси,
Бросила в окно невесту
И кузнец уехал с нею.
В дом привез беспотолочный,
Да еще и безоконный.
Стали жить они и скоро
Сыновья у них родились —
И без имени все трое.
— Гей, послушай Илмойллине,
Имена какие лучше,
Сыновьям придумать нашим?
— Имена какие лучше?
Первый сын Струною будет.
— А второму, что за имя?
— Назовем второго Жилой.
— Как же третий будет зваться?
— Травяным пусть будет Корнем.
— Что ж они работать будут?
— Из костей утиных первый
Будет гусли себе делать,

А второй — ему закажем
Кантеле из рыбьей кости,
Но, а Корню Травяному —
Колокольчики — звоночки.
И едва Струна возьмется
За утиные за гусли,
Под его игру все рыбки
Спать спешат на дно морское;
А когда играет Жила,
В кантеле из рыбьей кости,
Молодые жены тут же
Оставляют среди лета
Неотложные работы.
Стоит Корню Травяному
Колокольчиками звякнуть,
Позвенеть в звонки погромче,
То у девушки у каждой
Пальцы кружева не держат,
Кружев больше не плетется.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

ДЫМ на острове курился,
На мысу огонь виднелся.
Не военный дым и пламя,
Не костер горел пастуший,
Пиво Осмотар варила,
Взяв три зернышка ячменных.
Посылала приглашенья
По шестеркам, по девяткам,
Всех звала, все были званы:
И калеки и хромые,
И слепых не позабыла.
Отправлялися верхами
Все калеки и хромые,
А слепцы садились к веслам,
Подвозили самых слабых.
Одного лишь Лемминкяйне
Осмотар не пригласила,

Про его про хитрость зная.
Вот бедовая собака,
Все разнюхал Лемминкяйне!
Все узнал и так промолвил:
— Ой, ты, маменька родная,
Принеси вооруженье,
Принеси, жена, мне платье!
— Ты куда идешь, сынок мой?
— В Пяйвалу на пир иду я,
На священную попойку.
— Не ходи туда, сыночек,
Мой единственный, послушай,
Дома пиво есть не хуже.
— Я воды морской уж лучше
Соглашусь с весла напиться,
Больше мне она по вкусу,
Чем домашней варки пиво!
Ой, ты, маменька родная,
Принеси вооруженье,
Принеси, жена, мне платье!
— Не ходи туда, сыночек,
Мой единственный, послушай,
Своего добра не мало.
Раб вчера на пашне нашей,
Выпахал сундук с деньгами,
С полосы закрайней поднял.
— Деньги я в бою достану,
С бою взятые ценнее!
Ой ты, маменька родная,

Принеси вооруженье!
Мать на это отвечала:
— Не ходи туда, сыночек,
Мой единственный, послушай,
На твоем пути три смерти
Поперек дороги встали:
Речка с огненной скалою,
И пылающей березой,
И орлом на ней сидящим.
Рот орла огнями пышет,
Дымом крылья расстилает, —
Тут найдешь одну кончину.
Как пройдешь пути немного,
Только тронешься в дорогу,
Яму встретишь на дороге
С раскаленными камнями
И булыжником горячим, —
Здесь вторую смерть найдешь ты.
Встретишь в Пяйвале на горке,
В Куйкколе на переулках
Змей до тысячи железных,
Взнузданных волков до сотни,
На пути ограду встретишь, —
Колья острые, стальные,
Все гадюками обвиты,
Вясла ящериц надеты,
А хвосты их в кольца вьются,
И дрожат их жала злобно, —
Третья смерть тебе здесь будет.

— Ой, ты, маменька родная,
Ты на змей на этих дунешь,
У орла язык остудишь. —
Не послушался, ушел он!
Так и вышло, как сказала,
Предвещала мать родная:
На пути река попалась
С тою огненной скалою
И пылающей березой,
И орлом на ней сидящим.
Рот орла огнями пышет,
Дымом крылья расстилает.
Так и вышло, как сказала,
Предвещала мать родная.
— О, орел мой, слушай, птица,
Привяжи глаза на шею,
Призакрой на время уши,
Пропусти дорогой мужа!
Избежал он первой смерти.
Вот прошел пути немного,
Только тронулся дорогой,
Так и вышло, как сказала,
Предвещала мать родная:
На дороге яму встретил
С раскаленными камнями
И булыжником горячим.
— Ой, ты, Укко, бог всевышний,
Ты отец и царь небесный,
Тучу с запада яви мне,

Подыми вторую с юга,
Третью — прямо на востоке,
Собери все тучи вместе!
Снег пусти, не ниже палки,
На копьѐ покрой дорогу,
Камни жгучие — не ниже,
Тот булыжник раскаленный!
Избежал и этой смерти.
В горку Пяйвалы поднялся,
В Куйкколе в заулках встретил
Змей до тысячи железных,
Взнузданных волков до сотни,
На пути ограду встретил —
Колья острые, стальные,
Все гадюками обвиты,
Вясла ящериц надеты,
А хвосты их в кольца вьются,
И дрожат их жала злобно.
— Ой, ты, черный змей подземный!
По сухой траве ползущий,
Через пень насквозь пройди-ка!
Черный змей подрыл коренья,
Раскидал все кочки мигом,
Проходил сквозь пень и корни,
Пропускал дорогой мужа,
Лемминкяйне пропускал он.
Избежал и третьей смерти,
В Пяйвалу на пир явился.
Был мужчина там румяный,

Был второй багрово-красный.
Выходил вперед румяный,
Выходил и придирался:
— Что пришел на пир незваный?
Лемминкяйне хитрый парень,
Отвечал ему на это:
— На званьё — бежит собака,
А хороший сам приходит!
То мужчина был румяный,
Зайца белого напел он,
На полу косого прыгать.
Лемминкяйне был хитрее,
Красную напел лисицу,
И лисица зайца съела.
То мужчина был румяный,
Белку красную напел он,
Лемминкяйне был хитрее,
Спел куну-золотогрудку,
Белку съела та куница.
То мужчина был румяный,
На пол озеро напел он,
Лемминкяйне был хитрее,
Спел быка Золоторога.
Был тот бык велик не очень,
И не слишком мал казался
Перед среднею коровой.
Белка летняя бежала
До хвоста хребтом весь месяц;
Ласточка весь день летела

Меж рогов Золоторога,
Выпил озеро он сразу.
То мужчина был румяный,
Так сказал он и промолвил:
— Будем драться в этом доме,
Измерять мечи сойдемся,
В шеи метиться друг другу.
У кого клинок длиннее,
И ржаного стебля выше,
Тот пускай ударит первым.
Подговаривал румяный
Тысячу мужей военных,
Лемминкяйне был хитрее,
Так сказал он и промолвил:
— О, красотка Катерина,
Принеси мне пива в кружках,
В кружках с ручками двойными!
Со змеей подносят чашу,
С червяками кружку пива.
Лемминкяйне был хитрее,
За ножну свою хватался,
Из ножны железо вынул,
Доставал змею из чаши,
Удалял червей из кружки,
И на счастье пиво выпил,
И в охотку мед отведал.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

То был хитрый Лемминкяйне,
Лыжи с осени готовил,
Палки летом выбирал он.
На концах крепил упоры,
Чтобы в снег не вязли палки,
И скользили лыжи легче,
Чтобы ездилось быстрее.
Говорил он так при этом:
— Нет в лесу того, кого бы
Не убил и не поймал я,
Нет таких четвероногих
И летающих — двукрылых!
— Прекратите, черти, слушать,
Не подслушивайте, бесы! —
Стала Хийси делать лося,

Бес почесываться начал.
Вот копыта сотворила
Из забора из простого,
Вот глаза творит из лилий,
А из темных листьев — уши;
Голову — из кочек горных,
Все другое — из другого.
Посылает лося Хийси.
Лось по Северу пустился,
По Лапландии равнинной,
Так бежал, что ухо ранил,
Сильно стукнулся спиною,
Тело нежное затронул,
Кровью пламенной следил он.
Шел на лыжах Лемминкяйне,
Шел на Север пробирался,
Деву Севера спросил он:
— Что так девушки здесь плачут,
И о чем смеются жены?
Что разлаялись собаки?
Девы с плачем отвечают,
И со смехом молвят жены:
— Пробежал здесь лось от Хийси,
Пробежал олень, старался,
Шел по Севера селеньям,

По Лапландии равнинной,
Так бежал, что ухо ранил,
Сильно стукнулся спиною,
Тело нежное затронул,
Кровью пламенной следил он.
Тут уж хитрый Лемминкяйне
Раз на лыжах оттолкнулся, —
Ничего не слыша мчится;
И еще раз оттолкнулся —
Ничего не видя мчится;
В третий раз он оттолкнулся,
Лося Хийси нагоняет.
На бока лося он смотрит,
Смотрит, ноги разминает,
По спине оленьей гладит:
— Хорошо бы тут поспать мне
Вместе с юною девицей,
В молодых ее объятьях,
На груди девицы юной!
Ставил хлев ему дубовый,
Тот загон кленовый ставил,
Лося Хийси загонял он.
Рассердился лось на это
И разгневался в неволе,
Обозлился на весь век он!

Хлев дубовый свой разрушил,
Разметал загон кленовый,
И пустился из неволи,
На свободу убежал он.
Возвратился Лемминкяйне,
А оленя не бывало!
Встал на лыжи и вдогонку!
Лыжи в сторону взлетели,
Оборвалися проушки,
И крепленья развязались!

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

АЛГО старый Вейнемейне
Струны кантеле тревожил,
Так играл и припевал он,
Что дрожала вся окрестность
И неслась игра-веселье
Прямо к солнышку на окна!
На игру ту месяц вышел,
Солнце в город свой явилось,
На сосновую вершину
Село кантеле послушать,
И веселье разделить с ним.
Лоухи, Севера хозяйка,
Редкозубая старуха
В это время хвать за солнце!
И руками месяц ловит,
И к себе домой уносит,
В ту страну на Север мрачный.

Скрыла месяца сиянье
В грудь пестреющего камня,
Солнца, любящего песни,
Прячет свет в скалу стальную,
Сделав это, говорит им:
— Не уйдете, вы, отсюда
До тех пор, пока сама я
Не приду освободить вас.
Свет похитила старуха,
В избах Вейнелы украла.
Без огней остались избы,
Свету в хижинах не стало.
Тёмно, тёмно в Калевале,
И на небе также тёмно,
Во владеньях бога Укко.
На хлеба пришли морозы,
На стада пришли невзгоды,
Птицам стало непосильно,
Плохо птицам, скучно людям.
Щука знала только яму.
И росли в потемках дети,
Матерей своих не зная.
— Да, когда ж засветит солнце?
— Да, когда ж начнется утро?
Так с конца косы туманной
Так на острове на мглистом
Вопрошают молодые,
Вслед им старые гадают:
— Да куда же солнце скрылось?

— Где же месяц потерялся?
Вот у кузницы столпились:
— Встань, кузнец, и покажися
Из-за стен и из-за камня,
Чтобы делать месяц новый
И другое солнце сделать!
Встал кузнец и показался
Из-за стен и из-за камня,
Чтобы делать месяц новый,
Чтоб другое солнце делать.
Золотой сковал он месяц
И серебряное солнце.
Месяц начисто отделал,
Вот и солнышко готово.
Чураком их подпирает
И несет и держит ловко,
Месяц поднял на елину;
На сосновую вершину,
Поднял солнце он высоко.
Пот с бедняги покатился,
И со лба росою падал,
Нелегка была работа
Был подъем нелегок этот.
Не светился месяц новый,
Солнце новое не грело.
Встал тут старый Вейнемейне.
Отколол с ольшины щепку,
У Творца спросил согласье,
И пошел и жребий кинул,

Пальцы зяблые гадали:
— Правду мне поведай, жребий,
Расскажи, посланник бога,
Да, куда же солнце скрылось,
Вместе с месяцем исчезло?
И принес тот жребий вести —
Солнце может быть добыто
В скалах сумрачного края.
Встал тут старый Вейнемейне,
Заспешил, что было силы,
В темный Север путь направил.
День идет, не отдыхая,
Два идет, не отдыхая,
Третий день идет подряд он,
И на третий только видит,
Встали Севера ворота,
Озарились глыбы камня.
Встал тут старый Вейнемейне,
Встал и громко крикнул-гаркнул
За реку, в страну чужую:
— Лодку мне сюда пошлите!
Севера сыны сказали:
— Ни одной здесь нет свободной,
Если надо, вплавь пускайся,
Под волной иди глубокой.
И подумал Вейнемейне,
И решил и так помыслил:
«Ну, какой же тот мужчина,
Кто с пути назад вернется?»

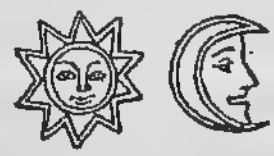
И пошел он в воду щукой,
Плыл, залив пересекая,
И по отмели шагая,
Вышел на берег на встречный.
Сыновья страны встречают:
— К Северу во двор пожалуй,
Со двора, пожалуй в избу.
И пожаловал во двор он,
Со двора явился в избу.
В той избе сидят мужчины
Все с различными умами,
И у всех мечи на месте,
Все в воинственных доспехах.
Берегися, Вейнемейне,
Смерть грозит тебе, любимый!
И спросили у пришельца:
— Что, мужчина, жалкий скажешь?
— Я о месяце скажу вам,
И о солнце молвлю слово:
Где ж оно, куда же скрылось,
Вместе с месяцем исчезло?
Севера сыны сказали:
— Знай, что солнце ваше взято,
И в скале у нас томится,
И не выйдет на свободу,
И светить оно не будет,
Избавителя не встретив.
Отвечал им Вейнемейне,
Говорил слова такие,

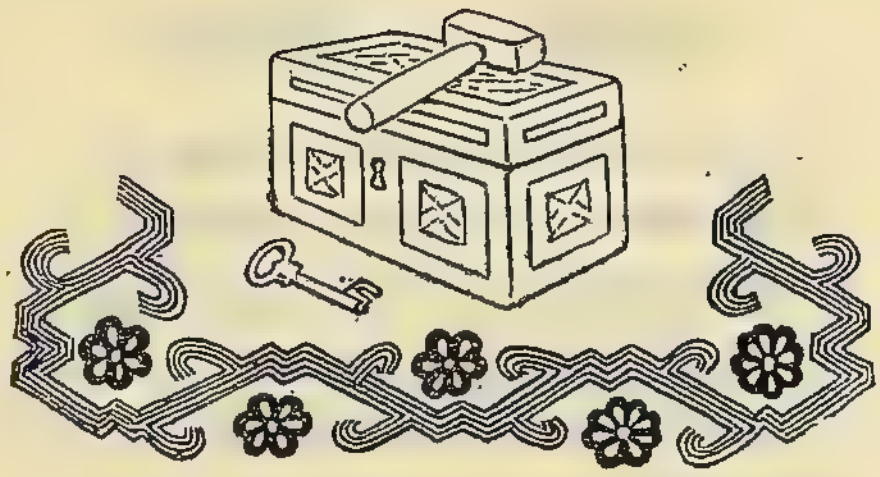
Говорил и предлагал им:
— Если нужен избавитель,
Чтобы солнцу дать свободу,
Месяц выпустить из камня,
Так поборемся, пойдемте,
На мечах своих побьемся!
Молвил старый Вейнемейне,
За крестовый меч схватился,
Обнажил клинок свой острый:
Острие, как месяц было,
Рукоять горела солнцем,
А спина конем чернела,
Перекрест мяукал кошкой!
Молвил старый Вейнемейне,
Говорил слова такие,
Говорил и предлагал им:
— Что ж, во двор теперь пойдемте,
Да на ровную поляну!
И во двор тогда все вышли,
Да на ровную поляну.
Вот уж старый Вейнемейне
Размахнул мечом крестовым,
Стал рубить врагов, как репу,
Колотить, как конопельку
Вражьи головы подряд он.
Вот управился с врагами,
Неспеша пошел дорогой,
На зеленый остров вышел.
Под березой встал одною.

И замки остались целы.
Так ответил Вейнемейне,
К брату в кузницу зашел он.
— Братец мой, к тебе пришел я,
Ты, кузнец наш вековечный,
Ты вчера ковал и раньше,
Поработай и сегодня,
Сделай то, что брату нужно:
Пешен дюжину хороших,
Да ключей большую связку,
Трехстороннюю мотыгу,
Месяц ей освобожу я,
И верну свободу солнцу.
Сделал все кузнец, что нужно:
Пешен дюжину хороших,
Да ключей большую связку,
Трехстороннюю мотыгу.
И почувствовал тогда он
За окошком ветер близкий,
Этот ветер ястреб поднял.
Открывал кузнец окошко,
Птица с ним заговорила:
— Ты, чего куешь, скажи мне,
Из железа, что готовишь?
— Лоухи, бабе редкозубой,
Я ошейники готовлю,
Привяжу ее к ольшине
За ошейники за эти!

Лоухи, Севера хозяйка,
Редкозубая старуха,
Чует горя приближенье,
Дня несчастного начало.
Поднялась она скорее,
Полетела прочь, на Север.
Месяц там освободила,
Солнце там освободила,
И в другое обернулась —
Уж не ястреб, а голубка!
Через море полетела,
Снова в кузницу явилась,
Опускалась на пороге:
— Эй, кузнец, бросай работу!
Выходи смотреть на месяц,
Выходи глядеть на солнце!
Месяц в небо возвратился,
Солнце вышло на свободу.
И шагнул к дверям кователь,
И увидел месяц в небе,
Месяц светлый он увидел
И сияющее солнце.
Прибегал он к Вейнемейне:
— Посмотри скорей на месяц,
Посмотри скорей на солнце,
Месяц выпущен из камня,
Солнце вышло из неволи.
Встал тут старый Вейнемейне,
И во двор заторопился.

В небо пристально глядит он,
Видит месяц светлый, светлый,
И сияющее солнце.
— Здравствуй, месяц, ты нам
светишь!
— Здравствуй, солнце, ты нас
греешь!
Ты всходи всегда по утру,
Появляйся, как сегодня,
Мой народ теплом приветствуй,
Разделяй его веселье.





ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

СМЕРТЬ жила-была на свете,
А у смерти был приятель,
Кузнецом известный всюду.
Вот однажды Илмойллине
За свою работу взялся,
В это время смерть приходит,
И с приятелем заводит
По-приятельски беседу,
Говорит слова такие:
— Век твой прожит, вышло время,
Умирать, кузнец, готовься!
— Ой, ты смертушка-приятель,
Убивать меня помедли,
Дай еще три дня пожить мне.
Сам себе хочу я сделать
Гробовой сундук надежный.
Согласилась смерть и вышла.

А кузнец стоит печальный,
Гробовой сундук готовит,
Мешкать нечего уж больше.
Гнет он обручи из меди,
На сундук их набивает,
И замки такие ставит, —
Шевельнешь одним, другие
Закрываются немедля.
Вот окончена работа,
Гробовой сундук закончен,
Да и срок к концу подходит.
Ждет обещанную гостью,
Илмойллине, поджидает,
А она уже явилась.
Поздоровались друг с другом.
— Вот сундук себе я сделал,
Но за прочность не ручаюсь,
Может обручи не сдержат, —
Илмойллине говорит ей.
— Положи-ка, покажи-ка,
Как внутри сундук прилажен,
Хорошо, когда не хуже,
Чем наружная отделка.
Дай-ка, обручи проверю,
Коль они меня удержут,
Кузнеца удержут вовсе.
Смерть сама в сундук залезла,
Кузнецу того и надо,

Он один замок потрогал,
А с того и все закрылись —
В сундуке она осталась!
И вздохнул кузнец свободно,
И подумалось приятно:
«Не страшна ты больше людям».
И о том еще подумал:
«Сундука нельзя оставить,
Смерть подальше надо спрятать,
Закопать поглубже в землю,
Или в воду так забросить,
Что б никто не мог услышать».
Днем хотел снести он в море
Тот сундук, да побоялся —
Не увидело бы солнце.
На заре вечерней спрятать?
И она увидеть может!
В полночь было он собрался
Да раздумал, вдруг заметит,
Да и людям всем расскажет,
Место тайное откроет?!
— «Опущу я утром ранним
Тот сундук со смертью в море,
Будут спать все в это время,
И за мной никто на зорьке
Уж наверно не усмотрит?!»
Тот сундук он в море бросил,
А оно покойно было,

Как в котле, вода стояла.
И вздохнул кузнец свободно,
Без боязни снова зажил.
Про себя смеется: — Вот как
Я расправился со смертью!
Руку, ногу кто сломает —
Вечно мучайся калекой;
В молодых летах и в старых
Человек не умирает.
Столько дряхлых накопилось,
Всюду охают и стонут!
Вот уж начали повсюду
Старых под гору большую
На салазках увозить все,
Чтобы с глаз они исчезли,
Молодым невыносимо
Слышать старческие вздохи!
Был такой один мужчина,
Мать с отцом кладет он в санки,
В санках под гору увозит
И родителей бросает,
Говорят ему родные:
— Ой, сынок, наш ненаглядный,
Ты напрасно санки бросил,
Самого на этих санках
Привезут тебя сюда же.
И родителей обратно
Сын повез домой в салазках.

Но, уж тут настало время,
Что терпеть никто не в силах,
Столько старых накопилось!
— Надо смерть найти скорее —
Говорят друг другу люди,
Шарят в каждом уголочке,
И в земле и в скалах ищут.
Вот у солнышка спросили,
Отвечает: — Не видало.
Вот у полночи спросили,
Отвечает: — Не видала.
А теперь спросить осталось
У звезды зари рассветной.
Та звезда им отвечает:
— В час такой, в таком-то месте,
Море тихое всплеснулось,
Был в него сундук заброшен.
Посредине моря стали
Тот сундук искать со смертью.
Лески в воду опускают,
Стали удочками удить,
Но на удочку нейдет он.
И нашелся тут мужчина,
И сказал всему народу:
— Не пойдет ли в невод лучше?
Вот и невод появился,
Завели один, другой раз,
Посчастливилось на третий,

Невод вынули с добычей.
Достают сундук, гадают:
— Смерть наверно здесь закрыта?!
На сундук железный смотрят,
Обручами весь обвитый,
В кольца медные зажатый,
На замки закрыт такие,
Что открыть никто не может.
— Не позвать ли Илмойллине?
Эти хитрости он знает,
И сундук открыть поможет.
И пришел кузнец к народу,
Чтоб его исполнить волю.
— Я замки открою эти,
Но зато умру здесь первый.
И замки он открывает,
И стоит у гроба рядом,
А уж смерть встает оттуда,
Исхудала вся, бедняжка.
— А-а, приятель, Илмойллине,
Здравствуй, долго не видались,
Хоть меня похоронил ты,
Самому пришлось ведь все же,
Снова выпустить на волю!
Кузнеца убила первым,
Прибрала к рукам тотчас же,
Принялась три года кряду
Смерть покашивать всех старых.

Так она проголодалась,
Что одни остались кости.
Про кого-нибудь недаром, —
Говорят: как смерть, он тощий.
Раньше смерть была смелее,
Никого не опасалась,
С этих пор умнее стала,
По людские души ходит,
И уносит их украдкой,
И притти не смеет явно.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕСЕН

ПРИМЕЧАНИЯ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕСЕН

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

У стыдливой девушки рождаются три сына. Один сам себя называет — Вейнемейне, другой — Илмойллине, третий — Еугамойне. Еугамойне отправляется тесать лодку и возвращается, не сумев сделать ее. Тогда идет Илмойллине, но и у него не получается, только Вейнемейне удается вытесать лодку. Еугамойне делает кантеле, но играть на нем не может, Вейнемейне берется за кантеле и играет так хорошо, что море успокаивается от его игры, все заслушиваются ею.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Вейнемейне два дня искал лошадей, на третий услыхал плач лодки. Лодка жалуется ему, что ей приходится лежать, а не плавать

и возить добро, что на нее гадят птицы и черви. Вейнемейне садится в эту лодку, заставляя грести то старых, то молодых. Попадают на простор воды, застревают на хребте щуки. Вейнемейне ловит лосося и хочет разрезать его на куски. Рыба выскальзывает из рук в воду и говорит, что она не завтраком пришла к нему, а вековечной супругой, готовить постель, разувать его на ночь. Вейнемейне заказывает грабли и выгребает из осоки щучью кость, делает кантеле, играет на нем и все заслушиваются его игрой.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Вейнемейне едет на лосе, в него стреляет лапландец, убивает лося, Вейнемейне падает в море и плавает там долгое время. Потом он попадает в ущелье. На колено к Вейнемейне орлица кладец яйца. Из разбитого яйца, положенного этой птицей, Вейнемейне творит — небо, солнце и землю. Хозяйка Севера, услышав плач Вейнемейне, освобождает его с острова. Вейнемейне делает из щучьего черепа кантеле и играет на нем, собирая и людей, и зверей, и рыб слушать свою дивную игру.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Вейнемейне напевает заклинаниями лодку, у него нехватает трех слов, чтобы отде-

лать ее. Тогда он обращается к девушке страны Туони, чтобы она послала ему лодку. Та спрашивает у него о причине, приведшей Вейнемейне в чужую землю. Он дает неверные ответы, она догадывается, что Вейнемейне едет за невестой. Вейнемейне, Еугамойне садятся в лодку. Гребут старые, старых сменяют молодые. Лодка застревает на костях водяной собаки. Вейнемейне спрашивает, есть ли среди молодежи человек, который взялся бы сдвинуть лодку. Берется это сделать Еугамойне. Он ударяет мечом по костям, держащим лодку, его меч разлетается на три части. Тогда бьет своим мечом Вейнемейне, и на три части разлетается уже не меч, а кость. Из щучьего черепа Илмойллине кует кантеле. Вейнемейне спрашивает, есть ли среди молодежи тот, кто бы мог отличиться игрой. Еугамойне называется музыкантом и берет кантеле, но кантеле молчит у него. Тогда берет кантеле Вейнемейне и начинает играть. На его игру приходят молодые, старые, неженатые мужчины. Звери, птицы, рыбы, хозяин леса — леший, хозяйка воды — все слушают его игру.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Айно полощет белье на пристани и видит в море лодку брата Вейнемейне. Она спрашивает его о цели поездки. Сначала брат не со-

знается, потом говорит ей, что едет свататься за дочку Хийси. Айно сообщает Илмойллине, что Вейнемейне едет свататься в Тапиолу. Кузнец моется в бане, запрягает коня и нагоняет Вейнемейне. Невеста по имени Анни выбегает на шум во дворе и видит, что приехали женихи. Анни больше нравится кузнец, но выдают ее за Вейнемейне, после того, как он исполнил три трудных задачи. Вейнемейне увозит невесту. Илмойллине сильно огорчается, дома он кует золотой меч и бросает его опять в пламя за то, что он имеет обычай убивать людей; кует жеребца, но и его бросает в пламя за норов убивать лошадей; наконец, он кует себе невесту из золота, ложится с ней спать, золотая невеста не может заменить ему настоящей невесты, у него замерзает бок от прикосновения к ней. Кузнец бросает невесту в пламя и обращается к живущим на земле народам, чтобы они не пытались из серебра и золота ковать невест: золото не согреет никого, серебро оледенит каждого.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

Иро, дева, родила трех сыновей — Вейнемейне, Илмойллине и Еугамойне. Восемнадцати лет Илмойллине едет сватать красотку Катерину. На пути ему встречается Коаве-Похьелайне, ломает у него оглоблю. Кузнец напевает

песней лес и делает новую оглоблю. Коаве-Похьелайне ломает у кузнеца дугу, кузнец песней напевает новую дугу и опять едет. Тогда Коаве-Похьелайне ломает полоз, кузнец напевает лес, делает полоз и приезжает к невесте со злым Коаве-Похьелайне. Отец советует невесте угощать женихов не одинаково: кто понравится, тому поднести кружку пива, а кто не понравится, тому — наперсток. Невеста подает Илмойллине чашку пива, а Похьелайне — наперсток. Старики Хийси дают жениху три задачи. Он берется их выполнить, чтобы за него отдали Катерину. Катерина каждый раз предупреждает жениха, что его ждет гибель, ходить ему не советует, но он отвечает ей: пытая свое счастье, не надо ничего бояться. Выполнив все задачи, Илмойллине получает Катерину и едет с ней. Похьелайне усыпляет жениха, превращает Катерину сначала в рыбу, потом в звезду и в песчинку, но Илмойллине находит Катерину и каждый раз заговаривает ее опять в человека, а потом, рассердившись на нее, с помощью заклинания превращает невесту в чайку.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

Луулеллийне, низенькая женщина, проснувшись, увидела приближающиеся корабли. Она собрала крылья-перья и полетела им навстречу, У Войборайне, плывущего в корабле, она спра-

шивает, куда он едет со своими сыновьями и узнает, что едет он свататься. Тогда Лууллелийне летит в кузницу кузнеца Илмойллине и сообщает ему об этом. Кузнец едет следом и приезжает к невесте вместе с Коаве-Похьелайне и Вохьелайне-Войборайне. Невеста выбирает в женихи кузнеца и задает ему три задачи: напеть во дворе пруд с различными рыбами, сделать забор из змей, вспахать змеиное поле. Выполнив все задачи, кузнец берет невесту и едет с ней в лодке. Еугамойне садится к веслам, Вайнемойне сидит на корме и вдруг замечает, что невеста улетает. Он говорит об этом Илмойллине, тот заклинает ее быть чайкой (вариант).

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Илмойллине едет к Хийси сватать дочку несмотря на неодобрение матери. Хийси задае ему три задачи. Он выполняет их. Хийси выбрасывает невесту в окно, кузнец увозит ее живет с ней и у них рождаются три сына, — музыканта. Один играет на кантеле из утиных костей, другой на кантеле из рыбьей кости, третий на колокольчиках — звонках.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

Осмотар варит пиво и приглашает на пир

минкяйне, зная о его хитрости. Лемминкяйне узнает, что в Пяйвале пир и он не приглашен на него. Он собирается туда без приглашения. Мать и жена отговаривают его. Мать говорит ему о трех смертях, которые ему встретятся, называет каждую из них. Лемминкяйне встречается с названными смертями, остается жив. На пиру он вступает в распрю с одним румяным молодцом и побеждает его в искусстве чародея. Румяный молодец вызывает его драться на мечах, подговорив тысячу воинов убить Лемминкяйне. Лемминкяйне хитростью отводит опасность. Он просит у красотки кружку пива, чтобы отвести поединок. Ему приносят чашу пива со змеей, кружку пива с червями. Лемминкяйне удаляет змею и червей и выпивает напиток без вреда.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

Лемминкяйне с лета делает лыжи и вслух хвастается, что нет в лесу таких летающих на двух крыльях и бегающих на четырех ногах, которых бы он не мог поймать и убить. Бесы, злые духи, подслушали этот разговор и передали Хийси. Та сотворила лося и послала его по Северу и Лапландии. В бегу он поранил ухо, зашиб спину и пробегая, оставлял кровавый след. Лемминкяйне встречает на пути девушку и спрашивает, отчего смеются жены и плачут девы

Севера. Она отвечает ему, что по Лапландии и селеньям Севера бежал раненый лось. Плач девушек перебивается женским смехом. Лемминкяйне едет следом за лосем, ловит его и загоняет в хлев. Лосю не нравится неволя, он разрушает загон-хлев и убегает на свободу. Когда приходит Лемминкяйне, он обнаруживает исчезновение лося, едет в догонку на лыжах, но у него лопаются проушки, развязываются крепления и лыжи слетают с ног в сторону.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Вейнемейне играет на кантеле, его игрой заслушались месяц и солнце. В это время Лоухи, хозяйка Севера, ловит месяц и солнце и заключает их в скалу. В Калевале становится темно. На хлеба приходят морозы; на стада — невзгоды; дети растут, не зная матерей. Все молодые и старые думают: куда делось солнце? Попросили кузнеца выковать новый месяц и новое солнце. Выкованное солнце не греет, месяц не светит. Тогда Вейнемейне спросил у жребия: где солнце? Жребий ответил, что оно заключено в скале Севера. Вейнемейне идет в страну Севера и бьется там за освобождение солнца, побивает врагов, находит скалу, но освободить солнце не может. Тогда он возвращается к брату, чтобы он выковал ему ключи, мотыгу, для освобождения солнца. Кузнец кует

ключи и мотыгу. Лоухи, испугавшись, сама освобождает солнце, оборачивается голубкой, летит в Калевалу и просит Илмойллине посмотреть на светящийся месяц и сияющее солнце. Илмойллине смотрит на солнце и месяц и сообщает Вейнемейне, тот смотрит и приветствует месяц и солнце, радующее народ своим появлением.

ДВЕНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ

К Илмойллине приходит смерть и говорит ему, что пора умирать. Кузнец просит еще три дня жизни. Кует сундук, запирает туда смерть, обманув ее, и прячет сундук в море так, чтобы никто не видел. Несколько сот лет никто не умирает в Калевале, дряхлые старики обременяют молодых, они всем в тягость. Все спрашивают — куда девалась смерть и везде ищут ее. Спрашивают у солнца, месяца, но никто не знает из них, где спрятана смерть. Звезда утренней зари, видевшая, как кузнец прятал сундук, говорит, где находится смерть. Ловят сундук удочками, потом закидывают невод и вытаскивают его. Никто не может открыть сундука, просят Илмойллине. Он отвечает, что замки эти знает, но ему первому смерть придет, если он откроет их. Кузнец открывает сундук и умирает первым, затем смерть косит всех старых. С этих пор смерть стала являться к людям украдкой.

34240

ИСПОЛНИТЕЛИ ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКЕ ПЕСЕН

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Записана в 1936 г. от Сидорова П. А. 58 лет; дер. Мутыкова Сельга, Пряжинского района, КФССР. Записал Евсеев В. Я.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Записана в 1934 г. от Ремсу М. А. 72 л.; с. Ухта дер. Вокнаволок, Калевальского района, КФССР, известной исполнительницы эпических и бытовых карельских песен. Записала Куйкка П. Я.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Записана в 1937 г. от Ананиной А. И. 61 г., колхозницы д. Кимас-озера, Ругозерского района, КФССР; знает шесть эпических песен, множество бытовых песен. Записала Пергамент О. Ф.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Записана в 1937 г. от Елагиной Е. В. 60 лет, колхозницы д. Кимас-озера, Ругозерского района, КФССР. Записала Пергамент О. Ф.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Записана в 1937 г. от Кархуевой М. Н. 78 л.; Ладвозеро, Калевальского района, КФССР. Записал Богданов Г. Х.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

Записана в 1936 г. от Киброевой Вас. 83 л.; с. Вешкелицы, Пряжинского р-на, КФССР. Записал Евсеев В. Я.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

Записана в 1936 г. от Сидорова П. А. 58 лет; дер. Мутыкова Сельга, Пряжинского района, КФССР. Записал Евсеев В. Я.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Записана в 1930 г. от Гавриловой Е. Г. 50 лет; с. Видлица, д. Гавриловка, Олонецкого р-на Записал Евсеев В. Я.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

Записана в 1927 г. от Линстрем в с. Реболах, Ребольского района, КФССР. Записал Богданов Г. Х

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

Записана в 1927 г. в р-не Калевалы, КФССР, на подлиннике фамилии сказителя не указано. Записал Богданов Г. Х.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Записана в 1936 г. от Александрова И. Д. 61 г.; с. Хлев-Наволок, Пряжинского р-на, КФССР. Записал Евсеев В. Я.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Записана в 1934 г. от Гауринен Кирилла, 66 л.; д. Вок-наволок, Калевальского р-на. КФССР. Записала Куйкка П. Я.

ПЕРЕЧЕНЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

Айно — сестра Вейнемейне и Илмойллине (V [1]).
Анни — дочь хозяйки севера (V).
Вейнемейне — сын девицы Иро, брат Илмойллине и Еугамойне, прорицатель, старый мореплаватель (I, II, III, IV, V, VI, VII, XI).
Вейнела — страна народа Вейнемейнена (XI).
Валги — имя собаки (VII).
Валкки — белая лошадь (V).
Виллербой — сын Вохьелайне-Войборайне (VII).
Вохьелайне-Войборайне — соперник Илмойллинена (I, IV, VI, VII).
Еугамойне — сын девицы Иро, брат Вейнемейне и Илмойллине (I, IV, VI, VII),
Жила — сын Илмойллине (VIII).
Золоторог — бык-великан (IX).
Илмойллине — сын девицы Иро, брат Вейнемейне и Еугамойне, знаменитый кузнец (I, IV, VI, VII, VIII, XII).
Иро — мать Вейнемейне, Илмойллине и Еугамойне (VI).
Калевала — см. Вейнела (XI).
Катерина — дочь лесного царя Хийси (VI, IX).
Коаве-Похьелайне — злой дух Севера (VI).
Корень-Травяной — сын Илмойллине, брат Жила (VIII).
Куйккола — сказочная местность на Севере, населенная змеями и волками (IX).
Кюбриз — горка — змеиное поле (VI).
Лапландия — страна Севера (X).

---

[1] Цифры в скобках означают песни, где встречаются собственные имена.

Лемминкяйне — хитрый молодец, знаменитый охотник в стране Калевала (IX, X, XI).
Лаукки — лошадь с белой полосой вдоль головы (V).
Лоухи — хозяйка страны Севера (XI).
Луулеллийне — женщина-невеличка (VII).
Манала — сказочная страна под землей, «страна мертвых» (V).
Осмотар — представительница народа Калевала (IX).
Паглан-Хермандойне — дочь Хийто-Химми (VII).
Пяйвола — сказочная гора в стране Севера (IX).
Струна — сын Илмойллине брат Жилы и Корня-Травяного (VIII).
Таниола — лесная страна (V).
Тайменей — подразумевается водяное животное (V).
Туонела — см. Манала (V).
Туони — девица Туонела (IV).
Турья — северная Норвегия (III).
Укко — бог неба (V, IX, XI).
Халли — имя собаки (V).
Хийси — лесной царь (III, VI, VIII, X).
Хийто-Химми — житель Севера, отец красавицы Паглан Хермандойне (VII).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Песня первая	9
Песня вторая	13
Песня третья	18
Песня четвертая	25
Песня пятая	30
Песня шестая	41
Песня седьмая	50
Песня восьмая	59
Песня девятая	64
Песня десятая	71
Песня одиннадцатая	75
Песня двенадцатая	85

Примечания:

1. Краткое содержание песен	95
2. Исполнители помещенных в сборнике песен	104
3. Перечень собственных имен	106

1985

28871

Цена 2 руб. 50 коп.